

РОЛЬ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ДИСКУРСИВНОЙ ЭРИСТИКИ В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОТИВОСТОЯНИЙ И ПРОТИВОБОРСТВ

А.А. Романов, Л.А. Романова

В статье обсуждается роль вербальной компоненты в информационно-коммуникативном противоборстве между участниками глобального миропорядка, которое именуется гибридной, опосредованной, информационно-психологической и также кибервойной. Все это суть разноименуемые проявления одного и того же феномена, связанного с активным распространением пропагандистских медийных практик вирусного воздействия, направленных на подрыв в глобальном информационном пространстве репутационного капитала атакованного соперника. Функционально-прагматическое предназначение дискурсивных подрывных практик сводится к мифотворческому, искажённому конструированию действительности. Показана актуальность интегративной проблематики предметного поля исследования и обозначены междисциплинарные основания её описания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: геополитическое переустройство мира, деструктивное воздействие, дискурс, дискурсивная эристика, информационная атака, информационно-коммуникативная реальность, информационное противоборство, комбинированная реальность, медийные технологии, регулятивное воздействие, рестриктивные меры

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Тверского государственного университета; заведующий кафедрой правовых и гуманитарных дисциплин Тверского института переподготовки и повышения квалификации кадров агропромышленного комплекса, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, romanov_tgsha@mail.ru

РОМАНОВА Лариса Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии.
romanov_tgsha@mail.ru

Цитирование: Романов А.А., Романова Л.А. Роль инструментария дискурсивной эристики в контексте различных информационных противостояний и противоборств [Электронный ресурс] // [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022, № 2. – С. 121–152. Режим доступа: www.tverlingua.ru

**THE ROLE OF TOOLS OF DISCOURSIIVE ERISTICS IN THE CONTEXT
OF VARIOUS INFORMATION CONFRONTATIONS
AND CONFRONTATIONS**

Aleksey A. Romanov, Larisa A. Romanova

The article deals with the role of the verbal component in the information and communication confrontation between the participants in the global world order which is called hybrid, mediated, information-psychological and also cyber warfare. All these are different-named manifestations of the same phenomenon associated with the active spread of propaganda media practices of viral impact aimed at undermining the reputational capital of the attacked rival in the global information space. The functional and pragmatic purpose of discursive subversive practices is reduced to a myth-making, distorted construction of reality. The relevance of the integrative problems of the subject field of research is shown and the interdisciplinary grounds for its description are indicated.

KEY WORDS: geopolitical reorganization of the world, destructive impact, discourse, discursive eristics, information attack, information and communication reality, information confrontation, combined reality, media technologies, regulatory impact, restrictive measures

ROMANOV Aleksey A. – DSc in Philology, Professor, Professor of the chair fundamental and applied linguistics of Tver State University; Head of the department of legal and humanitarian disciplines of Tver Institute for Retraining

and Advanced Training of Personnel of the Agro-Industrial Complex, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored scientist of the Russian Federation.
romanov_tgsha@mail.ru

ROMANOVA Larisa A. – DSc in Philology, Professor, Professor of the theory of language and intercultural communication of Tver State Agricultural Academy. romanov_tgsha@mail.ru

Citation: Romanov A.A., Romanova L.A. The role of tools of discursive eristics in the context of various information confrontations and confrontations [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2022, № 2. – P. 121–152. Access mode: www.tverlingua.ru

*Человек, получая массу
сообщений, практически,
утрачивает чувство реальности.*

Р. Мертон, П. Лазарсфельд

Мировая цивилизация на современном этапе своего развития столкнулась, по мнению политологов, политтехнологов, социологов, лингвистов, с принципиально новыми инструментами формирования политической, социальной и информационно-коммуникативной реальности, отражающей, по-военному, жёсткое и бескомпромиссное противостояние сторон, соперничающих друг с другом за удержание и сохранение лидирующих позиций в переходный период глобального мироустройства. Применение таких инструментов в условиях современного однополярного мира оказывается чрезвычайно эффективным механизмом по созданию кризисных ситуаций в политико-экономической борьбе с конкурентами – странами-соперниками, странами - оппонентами – за ресурсы и рынки сбыта, чтобы в контексте упорной борьбы за своё превосходство интенсивно осуществлять агрессивно-атакующее влияние (воздействие, давление) как на

социально-политические и экономические условия жизнедеятельности отдельных стран, наций, народов, так и на эмоции, мотивы и поведение руководителей таких стран, производственно-финансовых и технологических объединений, общественных организаций, отдельных отраслей хозяйства и технологических корпораций и даже на отдельных граждан, чтобы переформатировать у них индивидуальную картину мира и изменить их личностные установки, формы поведения и культурно-исторические ценности.

Иллюстративным примером эффективной реализации информационно-коммуникативного инструментария в виде набора вербально-коммуникативных и авербально-медийных технологий и практик по переформатированию ментальных установок граждан могут служить событийные материалы последних десятилетий по анализу всевозможных «цветных» революций – «от революции роз», «оранжевых», «фиалковых» и «тюльпановых революций»), череды «арабских вёсен», в том числе и выступлений каирских граждан на площади Тахрир и украинского «майдана» в 2014 году до конкретных военных операций по свержению избранных руководителей Ирака («Буря в пустыне»), Ливии, Египта, Сирии.

Вскрытие и описание функционального механизма таких информационно-коммуникативных технологий и практик – задачи чрезвычайной важности не только для специалистов по геополитическим процессам переустройства мира, но и для лингвистов, психологов, психолингвистов, медиа-лингвистов и журналистов, работающих в области массового сознания, когнитивной лингвистики, медиалингвистики и медиакоммуникаций. Сегодня эти задачи необходимо решать в первоочередном порядке для того, чтобы научиться вырабатывать определенные навыки устойчивого противодействия таким технологиям у массового адресата и не подпадать под влияние *манипулятивного притяжения* коммуникативно-меметических практик с информационно-тематическим содержанием, сформированным и сконструированным под

типичные фреймовые образцы-лекала агрессивных - деструктивных информационных «противоборств» и «атак». Однако решение указанных задач не в последнюю очередь осложняется тем, что не всегда удаётся точно определить реальную прагматическую семантику объёма базовых понятий, отражающих функционально-семантическое содержание различного рода «противоборств», «противостояний», «атак» и «войн», связанных с реализацией социально-экономических, культурно-исторических рестрикций, санкционных заградительных, блокад и других, сходных с ними понятий по причине полисемичности их трактовок и многообразия подходов к толкованию указанных событийно-семиотических коммуникатов или коммуникативных конструктов-событий.

Вместе с тем, настало время признать, что такие деструктивные инструменты информационно-коммуникативного противостояния и открытого – от всевозможных санкционных ограничений до военно-технического – противостояния не просто отражают состязательный характер соперничества за лидерство и глобальное доминирование в мире, а они (инструменты) всё больше способствуют раскрывают геополитическое стремление одних стран к абсолютному политическому доминированию в однополярном мире, подчиняя атакованных ими других членов мирового сообщества делегировать часть своего суверенитета в пользу лидеров доминирующих стран и следовать за ними в указанном для атакованных стран политико-экономическом фарватере.

Несомненно, используемые доминирующими странами многофакторные инструменты информационно - агрессивного коммуникативного воздействия, направленные на санкционные сдерживания и организацию социокультурных и экономических блокад против тех стран, которые демонстративно проявляют свои суверенные претензии на реализацию независимой позиции в сложившемся однополярном мире, представляют исключительную опасность в геополитическом пространстве мира для современных наций-государств или стран-государств, стремящихся

сохранить свои законные права осуществлять реальный, а не декларативный суверенитет. Таким странам приходится отстаивать свои права на суверенитет в жёсткой борьбе против разного рода санкционных вызовов, сфабрикованных (т.е. преднамеренно “срежиссированных”, заранее сконструированных, подтасованных) “фактов”, чернящих и искажающих их историческое прошлое, культуру, национальные привычки и ценности, против «исторического мифотворчества», придуманных событий, а также против ревизии и переоценки важных и значимых для них исторических событий.

Характерно, что каузальной основой появления такого рода политико-экономических и социо-культурных рестрикций против тех или иных стран, кампаний и граждан является безоговорочное и безапелляционное обвинение их в том, что все, против кого реализуются различного рода санкционные заграждения, изначально – пресуппозитивно и безоговорочно – объявляются заранее виновными и неправильными, то есть именно теми, против кого *нужно* и *должно* вводить санкции, блокады, ограничения.

Иначе говоря, такие “неправильные” страны становятся объектами “правильного” или “заслуженного” воздействия и не могут, и не должны восприниматься, с точки зрения “правильного” лидирующего в мире большинства стран никак иначе, потому что “провинившиеся” страны находятся на “неправильной” стороне развития мировой цивилизации (ср.: Гордиенко, 2022; Дейк, 2013; Водак, 1997; Wodak, 1996). Поэтому страны-объекты воздействия закономерно (заслуженно) приобретают в глазах лидеров глобального миропорядка статус “токсичных” стран, стран-изгоев, с которыми (и которым) ограничен круг принятого в глобальном мире общения. Следовательно, с точки зрения “правильных” стран, закономерно, справедливо и, главное, полезно и необходимо вводить против “токсичных” стран рестрикционные – от *лат.*: “restrictus” / “restringo” в значении «ограничивать, сжимать, стягивать, стеснять / держать в стесненных обстоятельствах» – меры различного порядка, включая в том числе и меры,

способные дезорганизовывать или даже разрушать существующие структуры управления стран, попавших под рестрикционные меры и информационно-коммуникативное воздействие.

С этих позиций вводимые культурные ограничения, экономический паралич, отказ от торговых соглашений и т.п. суть правильные меры, при помощи которых можно “просветить”, “воспитать” или “перевоспитать” страны, «потерявшие правильную ориентацию», и вернуть их в нужный фарватер политического поведения, которому следуют страны-лидеры глобального миропорядка. Не приходится удивляться тому, что для целенаправленного “просвещения” и “перевоспитания” была разработана ранжированная *шкала дезруптивности* рестрикционных воздействий, согласно которой рекомендуется не смешивать и не отождествлять, например, экономические разрушения с рестрикциями, осуществляемыми при помощи информационно-коммуникативного воздействия (ср.: Leonard, 2016; Libicki, URL; Clarke, Knake, 2010; ср. призыв Хуана Зарате не смешивать экономические баталии с кибернетическими: «But economic battles are not confined to cyberspace» в: Zarate, 2016: 31; см. также: Zarate, 2013-2014).

Понятно, что любая из отмеченных разновидностей таких санкционированных ограничений в виде «войн», «атак», «воздействий», «противоборств» и «противостояний» являет собой «высшую форму информационно-психологических войн», которая (т.е. «форма войны») предстает в виде «согласованной по целям, задачам, месту и времени системы информационно-пропагандистских и психологических мер, проводимых с применением средств массовой информации, культуры, искусства и других (психотропных, психотронных) средств в течение длительного времени по тщательно разработанному сценарию» (Романов, 2002; 2014; Романов, Морозова, Романова, 2015; 2017; см. также: Астахов и др., 2007; Почепцов, 2000; 2015; 2019; Romanov, Romanova, 2012; 2017). В этой связи вполне правдоподобной может показаться мысль о том, что

экспликация неотвратимости санкционных рестрикций со стороны ведущих стран мира демонстрируется не только в качестве воспитательно-профилактического урока всем “неразумным” актерам глобального миропорядка, но также чисто в профилактическом порядке адресуется и всем сомневающимся в доминирующем статус-кво стран-лидеров современного мира. Больше того, эксплицитная возможность реализации санкций может также одновременно служить предостережением, имплицитно советуящим (подсказывающим), как нужно выбирать себе партнёров в современном мироустройстве и как вести себя соответствующим (должным) образом, чтобы избежать санкционных наказаний в виде разрушительных финансово-экономических ограничений или военного (прямого / опосредованного) вторжения.

Заметим также, что потенциальная угроза введения возможных санкционных режимов против тех или иных стран может рассматриваться даже в качестве одной из дезруптивных коммуникативно-информационных технологий с целью формирования (создания) межгосударственных (межправительственных) моббинговых союзов, коалиций, политических блоков, клубов и платформ для осуществления доминантного контроля в глобальном мире, например: НАТО; EU (Евросоюз), G7 и G20 и др. Кстати сказать, демонстрируемые миру возможности политико-экономических и историко-культурных рестрикций могут также играть существенную роль в поэтапном регулировании стадий (возникновение – постепенное развитие – накал – усиление / ослабление – снятие) информационного и медийно-коммуникативного противостояния vs противоборства со стороны стран-субъектов введения санкций.

Регулятивный характер накала информационного и медийно-коммуникативного противостояния со стороны стран - объектов срежиссированных атак арсеналу воздействующих на них вербально - инструментальных средств обусловлен *характером* и *силой* их воздействия, которые приобретают для атакованных стран-объектов все более

разрушительных качеств, закрепляющих в системе публичных медиакоммуникаций мирового сообщества результаты негативного “мифотворчества”, которые направлены на дискредитацию и подрыв репутационного – «имиджевого», политического, социально-экономического, культурного – капитала стран, подвергающихся процессу массивного информационного воздействия (о понятии «репутационный капитал» см.: Бурдые, 1983; 1993; 2001; Романов, 2002; Романов, Романова, 2017).

Особую роль в этом процессе играет феномен политической дискурсии как разновидности одной из «прикладных форм» дискурса, которую можно рассматривать не только в качестве метода описания и изучения публичной политической коммуникации в функции «структурно - организующего, регулятивного ядра общества» (Романов, 1988; Романов, Романова, 2017; 2018), но также и как «объект политической сферы» (Клюев, 2010: 5; Кривонос, 2001: 11–14; Мисонжников, 2017; Романов, 2002: 27-57; Romanov, Romanova, 2012; 2017), и как инструмент эффективной борьбы соперников за политическую гегемонию и бенефициарный репутационный капитал в обществе с использованием различных практик прямого и косвенного воздействия на своих политических оппонентов в дихотомическом сопоставлении «дискурса победителя» versus «дискурса побежденного / проигравшего» (Романов, 1988; 2002; 2014; 2016; 2017; Романов, Романова, 2020).

В этом контексте слова Мишеля Фуко о том, что «обладать дискурсом – значит обладать властью» (Фуко, 2004; см. также: Фуко, 1996; Арндт, 2000; Блакар, 1987; Водак, 1997; Кастельс, 2016; Романов, 1988; Романов, Черепанова, 1998; Чудинов, 2003; Якоба, 2016) придают ещё большую значимость интегративному описанию формата вербальной репрезентации дискурсивных практик всех участников политической конфронтации (конфронтационного взаимодействия) или политического противостояния, в формате которого через структурно-организационную архитектуру такого

дискурса осуществляется включенность тех или иных дискурсивных практик в публичную общественную, в том числе и в политическую деятельность.

Попытки атакованных стран отразить информационно-коммуникативное давление и защитить свой «репутационный капитал» в глазах мировой и своей национальной общественности нередко приводят к впечатляющему росту и накалу межгосударственного информационно-коммуникативного противостояния, которое находит своё выражение в многообразном проявлении различных *противоборств*, нередко именуемых в массиве публичных комму-никаций «гибридными войнами», «*тотальными гибридными войнами*» versus «*коннективными войнами / connectivity wars*», «*информационными войнами*», «*информационно-психологическими войнами*», «*виртуальными войнами*», «*консциентальными войнами*», «*ментальными войнами*» «*политическими войнами*», «*пропагандистскими войнами*», «*психологическими войнами*», а также «*информационными атаками*», «*информационными вбросами*», «*информационной борьбой*», «*информационным противодействием*», «*информационно-консциентальной кампанией*», «*информационной дуэлью*», «*идеоло-гическими операциями*» (см.: Алексеев, Алексеева, 2016; Астахов и др., 2007; Бердяев, 1990; Волкогонов, 1983; Кокошин, 2014; 2016; Мисонжников, 2005; Морозова, Романова, Мосина, 2014; 2019; Романов, 2002; 2014; 2016; 2017; 2020; Романов, Романова, 2015; 2017; 2018; 2020; Романов, Морозова, Романова, 2015; 2017; Тоффлер, Тоффлер Х., 2005; Arquilla, 1994; Arquilla, Ronfeldt, 1993; Leonard, 2016; Libicki, URL; Romanov, Romanova, 2012; 2017; Schmitt, 2012; Zarate, 2013-2014; Zarate, 2016).

Сравнение приведенных понятий позволяет зафиксировать, что в обозначенном ряду близких по значению словосочетаний доминирует семантический признак «*противоборство*», используемый в перечисленных словосочетаниях в значении «бороться против кого-чего-н., противодействовать; ср.: *Противодействие врагу. Противодействие силе*» (Ожегов, 1990: 622). Очевидно, что семантический признак

«*противоборство*» обладает ещё и дополнительным признаком «событийность». По всей вероятности, данный факт свидетельствует о том, что событийная лексема «*противоборство*» являет собой очень ёмкое, но, вместе с тем, неоднозначное понятие, которое в своей совокупности обладает ещё одним дополнительным признаком, раскрывающим характеристику ценностно-смысловой константы агонально-эристической модальности конфронтационной политдискурсии в событийном пространстве «политическое противоборство / противодействие».

В этом смысле «*противоборство / противодействие*» аккумулирует и устойчиво сохраняет в своей дискурсивной динамике “ядро” агональной (от греч. *ἀγωνία* – “агон”, т.е. «борьба», «противостояние») доминантности менталитета её участников, которое посредством агрессивно-атакующих военных или вербально - авербальных практик отчетливо проецируется на современную действительность глобального мира.

В глобальном пространстве геостратегического противостояния и борьбы за «бенефициарный или репутационный капитал» с конкурирующим оппонентом-противником – будь то целый континент, страна или объединение (союз, коалиция) стран, административный регион страны, ряд корпораций, фирм и даже отдельные граждане – понятие «*противоборство*» или, точнее, «*геополитическое противоборство*» как ядро агонально-агрессивной доминантности национального менталитета является относительно новым, а его толкование – широким и подвижным, охватывающим в своём сведении бытующее многообразие дефиниций и трактовок, которые функционально - семантически группируются в коммуникативно-кластерный конструкт (своего рода, интегративный концепт), являющий собой «прагма-событийный тип композитного политического дискурса» (о понятии «композитный дискурс» см.: Романов, 1988; 2002; 2020; Романова, 2005; 2009; 2021; Романов, Новоселова, 2021; Романов, Царьков, Романова, 2017).

В этом контексте понятие «геополитическое противоборство» способно выступать в ряду других родственно-событийных словоформ в роли гиперонима, реализующего по отношению к ним более широкое, обобщённое понятие, чем, например, понятие «война», акцентирующее в этом же синонимическом ряду событийный характер отношений между «общим» и «частным / особенным». Вместе с тем, важно понимать, что событийность «частного» и событийность «особенного» в объёме понятия «война» дополнительно подчёркивают (и активируют в ментальном пространстве человека говорящего) эмоциональную окрашенность ассоциаций, связанных в консьциентальном (от *лат.*: *conscientia* – «осведомлённость», «сознание», «знание», «осознание») пространстве ментальных моделей опыта *homo loquens* как когнитивного агента с реальным ведением боевых действий посредством кинетического и огневого воздействия на атакованную сторону / страну (противника, соперника, врага), которые (т.е. боевые, батальные действия), в свою очередь, будят (каузируют, становятся причиной) проявления в массовом сознании понятий «страдания», «кровь», «боль», «человеческие жертвы», «лишения», «тяготы», «потери родных и близких» (см.: Романов, 2002; Романов, Морозова, Романова, 2015; 2017).

В то же время следует признать, что сегодня нередко приходится сталкиваться в целом ряде работ как с шаблонными, так и с зауженными представлениями о понятии «война», которые были достаточно актуальны для осмысления реальных военных событий в 20-м веке. Впрочем, это не в коей мере не означает, что фиксируемые в современной реальности боевые действия не могут быть охарактеризованы посредством представленных ранее признаков и связанных с ними ассоциаций. Безусловно, это не так.

Вместе с тем, однако, важно решать, помимо всего прочего, проблему, связанную с анализом и переосмыслением содержания уже существующих и широко внедрённых в коммуникативно-медийную практику дефиниций современных понятий, имеющих в своей структурной основе концептуальное

содержание «война», а именно – «информационная война», «информационно - психологическая война», «коннективная война», «виртуальная война» или «кибервойна», а также «информационные атаки», «информационные вбросы», «идеологические операции», «информационная борьба», «информационное противодействие», «информационная дуэль», «информационно - консциентальная кампания». В этом контексте важно вскрыть и описать объём функциональной семантики используемых словосочетаний для того, чтобы научиться вырабатывать определенные навыки устойчивого противодействия таким вербальным технологиям у массового адресата с целью не подпадать под влияние *манипулятивного притяжения* дискурсивного содержания сконструированных коммуникативных противоборств в виде информационных “атак” и “войн”. Однако заметим вновь, что решение обозначенной проблемы не в последнюю очередь осложняется тем, что достаточно трудно определить реальную прагмасемантику объёма базовых понятий, отражающих функционально-семантическое содержание рестриктивных последствий, ассоциативно связанных с событийным характером коммуникативно-интерактивных конструкторов «информационное противодействие» и «информационная война». Решение указанной проблемы усложняется ещё и тем, что комплексы событийных действий, связанных с последствиями различного рода рестрикций, санкционных заграждений, блокад и других, сходных с ними понятий, существенно разнятся по содержанию, но близки по функционально-семантической направленности «осуществлять борьбу / противодействие против кого-чего-н.». А если при этом учитывать полисемичность их трактовок, существующее многообразие подходов к толкованию ассоциативного содержания “силы” и “значимости” дезруптивного воздействия таких событийно-семиотических коммуникатов и не упускать из вида, что основным фактором нарушения «системы великих держав» можно считать «глобальные» войны, то есть конфликты, затрагивающие *структуру «глобальной политической системы»* (Тоффлер,

Тоффлер Х., 2005: 19; курсив - наш), то функциональные различия между используемыми терминологическими понятиями проявятся ещё ярче и рельефнее.

Категориальные возможности содержания “силы” и “значимости” дезруптивных практик (действий, давлений) информативно-коммуникативного (также – медийно-коммуникативного) влияния по сравнению с возможно-стями воздействия реальных боевых действий в «конфликтном геополитическом противоборстве» метафорически ярко и чётко оценил составитель сборника «Кибервойна: безопасность, стратегия и конфликт в информационную эпоху» Ален Д. Кампен при подведении итогов военной операции в Персидском заливе – известной также как «Война в Заливе» (англ.: “Persian Gulf War”; “Gulf War”) – между коалицией стран во главе с США и Ираком в период 2.08.1990 по 28.02.1991 гг. за освобождение Кувейта: «Война в Заливе стала войной, в которой *унция кремния в компьютере дала больший результат, чем тонна урана*» (Cyberwar: Security, Strategy, and Conflict in the Information Age, 1996; цит. по: Соловьев, 2010: 75; курсив – наш).

Factum notorium: события на современной Украине с 2014 по 2022 годы убедительно подтверждают оценку А.Д. Кампена о том, что с учётом развития уровня свойственных стране технических возможностей, например, контроля над временем (от седой древности до настоящих дней), пространственной локацией, а также образовательной средой и культурой реально быстро и эффективно *изменить* (перестроить, переконструировать, «прошить» и «перешить») кардинальным образом концентриальную сферу (проще говоря – осознанное пространство опыта, сознание) обычных граждан страны, если в течение двух десятилетий целенаправленно, методично и последовательно вести тотальную обработку их «ментального вместилища», в терминологии Дж. Лакоффа (2004; ср. также: Динсмор, 1995). Поэтому сегодня крайне актуально и своевременно попытаться обозначить функционально - содержательный *потенциал воздействия*

функционально-семантической категории «коммуникативно-информационной силы» дискурсивных практик, который всё с большей очевидностью определяет уровни контроля за воздействием её информационных свойств и качеств, способных в конфликтно-рестриктивном противодействии привести к победе над соперником без реальных активных боевых действий. Благодаря такому контролю «коммуникативно-информационная сила» используемых для этих целей агонально-дискурсивных практик становится в конфликтном противоборстве крайне “удобным” (т.е. относительно дешёвым, простым) и эффективным *инструментом воздействия* на когнитивную (консциентальную) сферу соперника и превращается в орудийное средство информационной войны.

Уместно заметить, что ещё в 60-х годах прошлого века Г.М. Маклюэн писал: «*реальная тотальная война стала информационной войной*. В ней сражаются при помощи *утонченных информационных средств*» как в условиях «холодной войны», так и постоянно». Специфика такой войны проявляется, по его мнению, в том, что «наш сформированный электроникой мир вынудил нас отойти от привычки классифицировать факты и способы узнавания по типам». Поэтому сегодня «общественная жизнь зависит в большей мере от *характера средств*, при помощи которых люди поддерживают между собой связь, чем от *содержания их сообщений*. Не зная действия средств коммуникации, невозможно понять общественные и культурные изменения» (Мак-люэн, 2003: 346–347; см. также: Маклюэн, 2004; п/ж курсив - наш).

Вместе с тем укажем, что ещё задолго до прокламации идей информационных противостояний российский символист А. Белый, вторя на рубеже 19–20 веков идеям античности (ср., например, суждение Марка Аврелия: “Со временем душа принимает цвет твоих мыслей”), отмечал *значимость* и *силу влияния* информационно-коммуникативного инструментария на «идеологическое окрашивание» конструируемой “реальности” – то есть «доксальной» реальности, представляемой в мыслях,

чисто дискурсивной, основанной на «вере в наличие существующих в мыслях, придуманных фактов или приобретённом в интерактивных обменах «дискурсивном фактаже» и создаваемой с помощью дискурсивных практик (Романов, Романова, 2017; 2018; 2020; Романов, Романова, Морозова, 2015; 2017). Андрей Белый писал: «Взгляд на мир ... и цвет мира зависит от мысли» (Белый, 1991: 9–11). В контексте данных рассуждений о «идеологическом окрашивании» описываемой картины мира уместно также привести слова французского фотографа Анри Картье-Брессона, открыто заявившего, что «факт сам по себе неинтересен, интересна точка зрения, с которой автор к нему подходит». Становится понятным, что в процессе семиотического кодирования с позиций «цветного взгляда на мир», по А. Белому, и «отсутствия интереса к факту», в понимании А. Картье-Брессона, «реальности придается смысл, который является идеологическим» (Fiske, 1991: 57–58; см. также: Кастельс, 2016; Мисонжников, 2005; Рашкофф, 2003; Рейнгольд, 2006).

Специалисты в области информационных противоборств отмечают, что в последнее время интерес в этой сфере коммуникативного воздействия активно переместился в сферу идеологии, психологии, нейролингвистического программирования (Волкогонов, 1983; Мисонжников, 2017; Почепцов, 2000; 2015; 2019; Романов, 2002; Романов, Черепанова, 1998). В этих обстоятельствах коммуникативные механизмы информационного влияния и воздействия на отдельную страну, конкретную личность (руководителя государства, партии, министра, лидера некоммерческого объединения, компании, а также на руководителей отраслей народного хозяйства и т.п.) и на массового адресата страны-жертвы такого информационно-коммуникативного давления приобретают статус «*информационного оружия*» (Алексеев, Алексеева, 2016; Астахов и др., 2007; Волкогонов, 1983; Почепцов, 2016; 2019; Романов, 2002; Романов, Романова, 2020; Arquilla, 1994; Libicki, URL). В этом смысле необходимо указать, что такое «информационное оружие» рассматривается как *основное*

средство инструментального воздействия и давления на противоборствующую сторону, направленное на манипулирование восприятием *пенетрационных* информационно-коммуникативных посланий, характеризующихся особым родом изощренными спекуляциями вокруг «меметических свойств, прошивающих сознание идей», таких, например, как *экология, глобальное потепление, гендерное равенство, всеобщая* (расовая, международная, религиозная) *толерантность, мультикультурализм* и т.п. (подробнее о меметических свойствах природы манипулятивного воздействия см.: Броди, 2001; Докинз, 2012; Менегетти, 2002; Рашкофф, 2003: 222–224; Романов, 1982: 115–117; 2002: 101–110; Романов, Романова, 2017; 2018; 2020; Romanov, Romanova, 2012; 2017).

Вскрытие и описание функционального механизма воздействия таких информационно - коммуникативных технологий – задачи чрезвычайной важности не только для специалистов по геополитическим процессам переустройства мира, но и для лингвистов, психологов, психолингвистов, лингвопсихологов, журналистов, работающих в области массового сознания, когнитивной лингвистики, медиалингвистики и медиакоммуникаций. В первоочередном порядке эти задачи необходимо решать сегодня для того, чтобы научиться вырабатывать определенные навыки устойчивого противодействия таким технологиям у массового адресата с целью не подпадать под влияние *манипулятивного притяжения* информационного содержания сформированных и сконструированных информационных “атак” и “войн”. Однако решение указанных задач не в последнюю очередь осложняется тем, что достаточно трудно определить реальную прагмасемантику объёма базовых понятий, отражающих функционально-семантическое содержание различного рода рестрикций, санкционных заграждений, блокад и других, сходных с ними понятий по причине полисемичности их трактовок и многообразия подходов к толкованию этих событийно-семиотических коммуникатов или коммуникативных конструкторов-событий.

Вполне очевидно и понятно, что в условиях информационно-коммуникативного противоборства важная и значимая роль дезруптивного «тарана» и «разрушителя» организационных структур противника отводится *дискурсивной составляющей* или *вербальной компоненте*, которая формирует агрессивно-дезруптивное информационно-коммуникативное пространство в виде отдельных представителей или «дисциплинарных» практик типового дискурсивного кластера, которая (т.е. дискурсивная компонента) способна в современном мире формировать медиа-пространства или «инфосферы» и направлять информационные сетевые системы и ресурсы таким образом, чтобы формировать в мире негативное общественное мнение как в отношении отдельных стран-государств, так и в отношении их лидеров, корпораций, банков, учебных заведений и отдельных граждан. Сформированное (созданное, сконструированное, срежиссированное) в пользу глобальных политических акторов на мировой арене (т.е. стран-бенефициаров, стран выгодоприобретателей) негативное общественное мнение транслируется в глобальное публичное медиапространство посредством всё увеличивающихся потоков воздействующих коммуникаций через разнообразные медийные практики глобальных СМИ и всевозможные сетевые издания, чтобы таким образом осуществлять *подрыв* «репутационного капитала» противной стороны посредством глобального влияния и контроля над социальными формами её государственного устройства (Бурдые, 1983; 1993; Кастельс, 2016; Мисонжников, 2005; Wodak, 1989).

Отводимая дискурсивно-прагматической (лингвопрагматической) компоненте роль как острого инструментального деструктора или как организующего регулятора отношений между неравноположенными акторами глобального миропорядка оправдана тем, что эта роль в достаточной мере регулятивна: как наиболее гибкий и эффективный “инструмент-таран” она удобна для дезорганизации и слома управленческих структур атакованного противника, а как регулятор отношений способна в то

же время ингибировать остроту противоречий и нивелировать неравноположенность взаимоприемлемыми мерами, направленными на поддержку репутационного капитала представителя периферийного лагеря. Вместе с тем, выдвижение дискурсивной составляющей или вербальной компоненты на роль дезруптивного орудийного инструмента по дестабилизации глобализационного структурирования мирового пространства не может не затрагивать базового принципа существования двух моделей в отношениях между мировыми акторами – доминирующей «ядерной» модели и (другой –) «периферийной» модели. Отсутствие регулятивного контроля за дискурсивной составляющей (как дискурса власти, так и власти дискурса) может обоснованно повлечь за собой опасность быть инициатором столкновения между акторами, представляющими тот или иной лагерь двух неравноположенных сторон современного мироустройства. Есть опасения, что демонстративная неравноположенность этих двух моделей мироустройства и её основных субъектов рано или поздно может (и, скорее всего, должна) сказаться на противодействии этих сторон друг другу.

Но, как представляется, тотальное разрушение уже существующего и структурированного мироустройства не может являться основной целью в информативно-коммуникативном противоборстве ни одной из сторон. Поэтому векторность действий каждой из моделей отношений предопределяется конкретным выбором: либо делить полномочия по распределению прав мироустройства между «ядром» и «периферией», либо держать курс на сохранение своего статус-кво и осуществлять частичные модернизации с применением определенных технологий противодействия и обмениваться приемлемыми воздействиями (политическими и экономическими “любезностями”) в адрес друг друга, чтобы оказывать влияние на процессы принятия решений, лежащих в основе введения новых типов рестриктивного поведения человека (человека-руководителя, человека-исполнителя), его структуру рассуждений, ценностей и установок.

К числу таких противодействий (противостояний, борьбы, “войн”), способных приводить к определенному и управляемому виду изменений типов поведения (от обыденных, до когнитивных), относятся информационно-консциентальные воздействия, в основе которых лежат коммуникативные (или информационно-коммуникативные) процессы. В этих процессах воздействия важной оказывается не только и не столько информационная составляющая сама по себе, сколько *процессуальность* и *технологичность* оперирования ею. При этом коммуникация рассматривается как основное поле информационно–консциентального противостояния (борьбы, “войны”) и с этих позиций такая коммуникация подчиняется конкретным способам ведения “войны”: она регулируется (организуется, управляется, направляется, корректируется определенными вербальными и невербальными знаками – регулятивами) и подчиняется как стратегическим, так и тактическим закономерностям (Романов, 1988; 2020). Коммуникативно-регулятивный характер стратегической направленности дезруптивных практик зависит в определенной степени от проявления таких факторов как, например, качество информации (*какая* – фактуальная или доксальная – информация и *как* – осознанно, спонтанно или специально заготовленная – используется), жанровый характер подготовленной информации (тип и вид подачи), с *каким* эмоциональным эффектом планируется её медийное проявление, *где* и *когда* (т.е. время реализации, событийная уместность), будет транслироваться, *насколько* эта информация необходима (актуальна в данном общественно - политическом контексте и контенте), *кто* будет участвовать в её (и его – контентном, меметическом, «вирусном») распространении и *кто* будет обеспечивать сопровождение и поддержку соответствующими комментариями, а также *кто* и *какими средствами* будет обеспечивать рост “социального веса” (т.е. наращивать «вес») сообщений и при помощи *какого* инструментария.

Ссылки – References in Russian

Алексеев, Алексеева, 2016 – *Алексеев А.П., Алексеева И.Ю.* Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. – 2016, № 11. – С. 5–14.

Арендт, 2000 – *Арендт Х.* Vita active, или О деятельности жизни. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.

Астахов и др., 2007 – *Астахов М.А., Ростовцев Ю.Г., Яфраков М.Ф.* Информационная борьба и знаковые системы. – М.: Издательство «Том», 2007. – 334 с.

Блакар, 1987 – *Блакар Р.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88–125.

Броди, 2001 – *Броди Р.* Психические вирусы. Методическое пособие для слушателей курса. Пер. с англ. – М.: Центр Психологической культуры, 2001. – 192 с.

Бурдьё, 1983 – *Бурдьё П.* Рынок символической продукции // Вопросы социологии. – 1983, № 1/2. – С. 49–62.

Бурдьё, 1993 – *Бурдьё П.* Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

Бурдьё, 2001– *Бурдьё П.* Практический смысл. Пер. с фр. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.

Ван Дейк, 2013 – *Ван Дейк Т.А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – М.: «Либерком», 2013. – 344 с.

Водак, 1997 – *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика. Пер. с англ. и нем. Сост. В.И. Карасик и Н.Н. Трошина. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.

Волкогонов, 1983 – *Волкогонов Д.А.* Психологическая война: подрывные действия империализма в области общественного сознания. – М.: Воениздат, 1983. – 288 с.

Гордиенко, 2022 – *Гордиенко Е.В.* Средства выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе. Автореф. дис.

филол. н. (10.02.04 – германские языки). – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2022. – 26 с.

Докинз, 2012 – *Докинз Р.* Эгоистичный ген. Пер. с англ. Н. Фоминой. – М.: АСТ: Corpus, 2012. – 512 с.

Кастельс, 2016 – *Кастельс М.* Власть коммуникации. Уч. пособие. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.

Клюев, 2010 – *Клюев Ю.В.* Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2010. – 261 с.

Кокошин, 2014 – *Кокошин А.А.* Взаимодействие политики и военной стратегии: теоретические и прикладные вопросы // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 3–13.

Кокошин, 2016 – *Кокошин А.А.* Несколько измерений войны // Вопросы философии. – 2016, № 8. – С. 5–19.

Кривоносов, 2001 – *Кривоносов А.Д.* PR-текст в системе публичных коммуникаций. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2001. – 254 с.

Менегетти, 2002 – *Менегетти А.* Онтология и меметика. Пер. с итал. Под ред. П. Бернабей. – М.: Психологическое издательство, 2002. – 149 с.

Мисонжников, 2005 – *Мисонжников Б.Я.* Массмедиа как субъект формирования глобального катастрофического сознания // Глобализм в системе категорий современной культурологической мысли. Коллект. монография. – СПб.: «Янус», 2005. – С. 240–254.

Мисонжников, 2017 – *Мисонжников Б.Я.* Военная концептосфера как основа формирования социально-политического дискурса // Мир лингвистики и коммуникации: Электронный научный журнал. – 2017, № 47. – С. 21–34.

Морозова, Романова, Мосина, 2014 – *Морозова О.Н., Романова Л.А., Мосина Е.А.* Манипулятивная природа информационных войн в Интернет-пространстве // Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. Международн. научн. семинар. Ч. I. Сб. науч. работ. – Белгород: БелГУ, 2014. – С. 158–164.

Ожегов, 1990 – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 23-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1990. – 917 с.

Почепцов, 2000 – *Почепцов Г.Г.* Психологические войны. – М.: Рефлбук; Киев: Ваклер, 2000. – 523 с.

Почепцов, 2015 – *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. Новый инструмент политики. – М.: Алгоритм, 2015. – 256 с.

Почепцов, 2016 – *Почепцов Г.Г.* Контрпропаганда и новые особенности пропагандистской войны [Электронный ресурс] // Научно - культурологический журнал. – 2016, № 15 (318). Режим доступа: URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-ww.woa/wa/Main?Textid=4850&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 23.05.2022).

Почепцов, 2019 – *Почепцов Г.Г.* (Дез)информация. – Киев: Медиа-детектор, 2019. – 248 с.

Рашкофф, 2003 – *Рашкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. – М.: Изд-во: Ультра. Культура, 2003. – 392 с.

Рейнгольд, 2006 – *Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция. Пер. с англ. – М.: Фаир-Пресс, 2006. – 416 с.

Романов, 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.

Романов, 2002 – *Романов А.А.* Политическая лингвистика: Функциональный подход. – Москва -Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверской государственный ун-т, 2002. – 191с.

Романов, 2014 – *Романов А.А.* Спин-докторинговая реализация ментальных репрезентаций в Интернет – коммуникации // __Язык, коммуникация и социальная среда. Ежегодное международное издание. Вып. 13. / Отв. ред. В.Б. Кашкин. – Воронеж: Наука-Юнипресс; Воронежский гос. университет, 2014. – С. 88–119.

Романов, 2016 – *Романов А.А.* «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации:

электронный научный журнал. – 2016, № 4. – С. 1–35. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

Романов, 2017 – *Романов А.А.* «Окно дискурса» как технология изменения представления о реальности // Языковой дискурс в социальной практике: мат. междуна – р. научн. - практ. конф. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2017. – С. 205–214.

Романов, 2020 – *Романов А.А.* Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: Системный анализ. – М.: Ленанд, 2020. – 262 с.

Романов, 2020а – *Романов А.А.* ”Войны без войн”: роль и влияние постправдивых дискурсивных практик ”острой силы” в информационном противостоянии // Цифровизация в АПК: технологические ресурсы, новые возможности и вызовы времени. Сб. научн. тр. по материалам Междунар. научн. - практ. конф. 11-13 февраля 2020 г. – Тверь: Тверская ГСХА, 2020. – С. 434–441.

Романов А.А., Новоселова О.В. – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Менасивные конструкты предвыборной дискурсии. – М.: Флинта, 2021. – 440 с.

Романов, Романова, 2017 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Ментальные репрезентации в языковом процессе: мемы и регулятивы // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2017а. – С. 181–196.

Романов, Романова, 2018 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Фейковая дискурсия vs дефензивная контрдискурсия в «информационной дуэли» // Языковой дискурс в социальной практике. Сб. научн. тр. Международной научно-практической конф. Тверь, 6–7 апреля 2018 г. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2018б. – С. 176–187.

Романов, Романова, 2020 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Фейк versus факт в информационной борьбе за репутационный капитал // Цифровизация в АПК: технологические ресурсы, новые возможности и вызовы времени. Сб.

научн. тр. по материалам Междунар. научн. - практ. конф. 11-13 февраля 2020 г. – Тверь: Тверская ГСХА, 2020. – С. 441–446.

Романов, Морозова, Романова, 2015 – *Романов А.А., Морозова О.Н., Романова Л.А.* Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015, № 2. – С. 1–31. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Романов, Морозова, Романова, 2017 – *Романов А.А., Морозова О.Н., Романова Л.А.* Функциональная специфика «веерного сдвига» окна дискурса в информационно-консциентальной кампании. Статья вторая: О роли и значимости ментальных репрезентаций в консциентальном типе информационного воздействия вбросов материала «Панамагейт» [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017, № 4. – С. 1–66. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Романов, Царьков, Романова, 2017 – *Романов А.А., Царьков П.Б., Романова Л.А.* Дискурсивный портрет думского либерала: Опыт историко-лингвополитологического описания материалов публицистики и стенографических отчетов заседаний Государственной Думы России. – Тверь: Ин-т прикладной лингвистики и массовых коммуникаций ТГСХА, 2017. – 201 с.

Романов, Черепанова, 1998 – *Романов А.А., Черепанова И.Ю.* Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. – Тверь: Тверской гос. ун-т; Тверская ГСХА, 1998. – 205 с.

Романова, 2005 – *Романова Л.А.* Принцип контрастности в когнитивных практиках структурирования мира вещей // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер. «Акмеология образования». – 2005. – Т.11, № 2. – С. 36–43.

Романова, 2009 – *Романова Л.А.* Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. – 180 с.

Романова, 2021 – *Романова Л.А.* Коммуникативный конструкт как единица семантического комплекса композитных перформативов // *Дискурс в социокультурном пространстве: Коммуникативные механизмы и ментальные структуры его репрезентации.* Сб. научн. трудов, посвященный юбилею проф. А.А. Романова. – М.: Флинта, 2021. – С. 298–309.

Соловьев, 2010 – *Соловьев А.В.* Информационная война: понятие, содержание, перспектива // *Пространство и время.* – 2010, № 2. – С. 75–81.

Тоффлер, 2010 – *Тоффлер Э.* Третья волна. Пер. с англ. – М.: Аст; Аст-Москва, 2010. – 795 с.

Тоффлер, Тоффлер Х. – *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Война и антивоенная: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. Пер. с англ. – М.: АСТ; Транзит книга, 2005. – 412 с.

Фуко, 1996 – *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с фр. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.

Фуко, 2004 – *Фуко М.* Археология знания. Пер. с фр. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.

Чудинов, 2001 – *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

Якоба, 2016 – *Якоба И.А.* Власть дискурса: моделирование дискурсивного взаимодействия. – Иркутск: Изд-во ИРНТУ, 2016. – 242 с.

References

Alekseev, A.P., Alekseeva, I.Ju. (2016) *Informacionnaja vojna v informacionnom obshhestve // Voprosy filosofii*, № 11, pp. 5–14. (In Russian)

Arquilla, J. (1994) *The Strategic Implications of Information Dominance // Strategic Review*, vol. 22, no. 3 (Summer), pp. 24–30.

Arquilla J., Ronfeldt D. (1993) “Cyberwar is Coming!” // *Comparative Strategy*, № 12 (April-June), pp. 141–165.

- Arendt, H. (2000) *Vita active, ili O dejatel'nosti zhizni*, SPb., Aletejja, 437 s. (In Russian)
- Astahov, M.A., Rostovcev, Ju.G., Jafrakov, M.F. (2007) *Informacionnaja bor'ba i znakovye sistemy*, M., Izdatel'stvo «Tom», 334 p. (In Russian)
- Blakar, R. (1987) *Jazyk kak instrument social'noj vlasti // Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstvija*, M., Progress, pp. 88–125. (In Russian)
- Brodi, R. (2001) *Psihicheskie virusy. Metodicheskoe posobie dlja slushatelej kursa*, M., Centr Psihologicheskoj kul'tury, 192 p. (In Russian)
- Burdie, P. (1983) *Rynok simvolicheskoy produkcii // Voprosy sociologii*, № 1/2, pp. 49–62. (In Russian)
- Burdie P. (1993) *Sociologija politiki*, M., Socio-Logos, 336 p. (In Russian)
- Burdie, P. (2001) *Prakticheskij smysl*, SPb., Aletejja, 562 p. (In Russian)
- Chudinov, A.P. (2001) *Rossija v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991 – 2000)*, Ekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t, 238 p. (In Russian)
- Clarke, R.A., Knake, R.K. (2010) *Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It*, New York, 290 p.
- Dokinz R. (2012) *Jegoistichnyj gen*, M., AST, Corpus, 512 p. (In Russian)
- Fuko, M. (1996) *Volja k istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let*, M., Kastal', 448 p. (In Russian)
- Fuko, M. (2004) *Arheologija znanija. Per. s fr.*, SPb., IC «Gumanitarnaja Akademija»; Universitetskaja kniga, 416 p. (In Russian)
- Gordienko, E.V. (2022) *Sredstva vyrazhenija ocenki v oppozicii «svojchuzhoj» v anglojazychnom mediadichskurse. Avtoref. dis. filol. n. (10.02.04 – germanskije jazyki)*, Tver, Tver State University, 26 p. (In Russian)
- Jakoba, I.A. (2016) *Vlast' diskursa: modelirovanie diskursivnogo vzaimodejstvija*, Irkutsk, Izd-vo IRNITU, 242 p. (In Russian)
- Kastels, M. (2016) *Vlast' kommunikacii.*, M., Izd. dom Vysšej shkoly jekonomiki, 564 p. (In Russian)

Kljuev, Ju.V. (2010) *Politicheskij diskurs v massovoj kommunikacii: analiz publichnogo politicheskogo vzaimodejstvija*, SPb., Izd-vo S-Peterb. un-ta, 261 p. (In Russian)

Kokoshin, A.A. (2014) Vzaimodejstvie politiki i voennoj strategii: teoreticheskie i prikladnye voprosy // *Voprosy filosofii*, № 10, pp. 3–13. (In Russian)

Kokoshin A.A. (2016) Neskolko izmerenij vojny // *Voprosy filosofii*, № 8, pp. 5–19. (In Russian)

Krivososov, A.D. (2001) *PR-tekst v sisteme publichnyh kommunikacij*, SPb., Izd-vo S-Peterb. un-ta, 254 p. (In Russian)

Menegetti, A. (2002) *Ontologija i memetika*. Per. s ital. Pod red. P. Bernabej, M., Psihologicheskoe izdatel'stvo, 149 p. (In Russian)

Misonzhnikov, B.Ja. (2005) Massmedia kak subjekt formirovanija global'nogo katastroficheskogo soznaniya // *Globalizm v sisteme kategorij sovremennoj kulturologicheskoy mysli*. Kollekt. Monografija, SPb., «Janus», pp. 240–254. (In Russian)

Misonzhnikov, B.Ja. (2017) Voennaja konceptosfera kak osnova formirovanija socialno-politicheskogo diskursa [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*, № 47, pp. 21–34. Access mode: www.tverlingua.ru (In Russian)

Morozova, O.N., Romanova, L.A., Mosina, E.A. (2014) Manipuljativnaja priroda informacionnyh vojn v Internet-prostranstve // *Aktual'nye problemy sovremennoj medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom. Mezhdunarodn. nauchn. seminar*, Belgorod, BelGU, pp. 158–164. (In Russian)

Ozhegov, S.I. (1990) *Slovar russkogo jazyka*. 23-e izd., ispr., M., Russkij jazyk, 917 p. (In Russian)

Pochepcov, G.G. (2000) *Psihologicheskie vojny*, M., Reflbuk; Kiev, Vakler, 523 p. (In Russian)

Pochepcov, G.G. (2015) *Informacionnye vojny. Novyj instrument politiki*, M., Algoritm, 256 p. (In Russian)

Pochepcov, G.G. (2016) *Kontrpropaganda i novye osobennosti propagandistskoj vojny* [Electronic resource]// Nauchno - kul'turologiches-kij zhurnal. № 15 (318). Rezhim dostupa: URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-ww.woa/wa/Main?Textid=4850&level1=main&level2=articles> (data obrashhenija: 23.05.2022) (In Russian)

Pochepcov, G.G. (2019) *(Dez)informacija*, Kiev, Media-detektor, 248 p. (In Russian)

Rashkoff, D. (2003) *Mediavirus. Kak pop-kul'tura tajno vozdejstvuet na vashe soznanie*, M., Izd-vo, Ul'tra. Kul'tura, 392 p. (In Russian)

Rejngold, G. (2006) *Umnaja tolpa: novaja social'naja revoljucija*. Per. s angl., M., Fair-Press, 416 p. (In Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2012) Mimesis and performative knowledge of use social practices in the communicative space homo loquens // *Interdisciplinary Researches in The 21-st Century: Creation and Creativity in a modern European education. Conference Proceedings, Oradea, Editural universităţii Emmanuel in Oradea (Romania)*, pp. 322–325.

Romanov, A., Romanova, L. (2017) Communicative construct as “tunnel window” of media discursive reality // “*Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries*”. *The VII International Academic Congress (United Kingdom, Cambridge, England, 26-28 February 2017). Papers and Commentaries*, Volume VII, Cambridge, Cambridge University Press, pp. 512–518.

Romanov, A.A. (1988) *Sistemnyj analiz reguljativnyh sredstv dialogicheskogo obshhenija*, M., Institute of Linguistics of Academy of Sciences of the USSR, 183 p. (In Russian)

Romanov, A.A. (2002) *Politicheskaja lingvistika: Funkcional'nyj podhod*, Moskva -Tver: Institute of Linguistics of Academy of Sciences; Tver State University, 191p. (In Russian)

Romanov, A.A. (2014) Spin-doktoringovaja realizacija mental'nyh reprezentacij v Internet – kommunikacii // *Jazyk, komunikacija i social'naja*

sreda. Ezhegodnoe mezhdunarodnoe izdanie. Vyp. 13. / Otv. red. V.B. Kashkin, Voronezh, Nauka-Junipress; Voronezh State University, pp. 88–119. (In Russian)

Romanov, A.A. (2016) «Okno diskursa» kak reguljativnyj mehanizm rasprostraneniya i vnedreniya «virusnoj» informacii: dva podhoda k probleme [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal. № 4. P. 1–35. Access mode: www.tverlingua.ru (In Russian)*

Romanov, A.A. (2017) «Okno diskursa» kak tehnologija izmeneniya predstavlenija o real'nosti // *Jazykovej diskurs v social'noj praktike, Tver, Tver State University, pp. 205–214. (In Russian)*

Romanov, A.A. (2020) *Lingvopragmatičeskaja model rečevogo upravljenija dialogom: Sistemnyj analiz, M., Lenand, 262 p.*

Romanov, A.A. (2020) Vojny bez vojn": rol' i vlijanie postpravdivykh diskursivnykh praktik "ostroj sily" v informacionnom protivostojanii // *Cifrovizacija v APK: tehnologičeskie resursy, novye vozmožnosti i vyzovy vremeni. Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. February 11-13, 2020, Tver, Tver State Agricultural Academy, pp. 434–441. (In Russian)*

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2021) *Menasivnye konstrukty predvybornoj diskursii, M., Flinta, 440 p. (In Russian)*

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2017a) Mental'nye reprezentacii v jazykovom processe: memy i reguljativy // *Psiholingvistika i leksikografija: Collection of scientific papers, Voronezh: RITM Publishing House LLC, pp. 181–196. (In Russian)*

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2018b) Fejkovaja diskursija vs defenzivnaja kontrdiskursija v «informacionnoj dujeli» // *Jazykovej diskurs v social'noj praktike. Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. Tver, April 6-7, 2018 - Tver: Tversk. state un-t, S. 176-187. (In Russian)*

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2020) Fejk versus fakt v informacionnoj bor'be za reputacionnyj kapital // *Cifrovizacija v APK: tehnologičeskie resursy,*

novye vozmozhnosti i vyzovy vremeni. Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. February 11-13, 2020, Tver, Tver State Agricultural Academy, pp. 441–446. (In Russian)

Romanov, A.A., Morozova, O.N., Romanova, L.A. (2015) Frejmovaja matrica spin-doktoringovogo konstruirovaniya smyslov v sisteme publichnyh kommunikacij [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 2. – P. 1–31. Rezhim dostupa: www.tverlingua.ru (In Russian)

Romanov, A.A., Morozova, O.N., Romanova, L.A. (2017) Funkcional'naja specifika «veernogo sdviga» okna diskursa v informacionno-konsciental'noj kampanii. Stat'ja vtoraja: O roli i znachimosti mental'nyh reprezentacij v konsciental'nom tipe informacionnogo vozdejstvija vbrosov materiala «Panamagejt» [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 4. – P. 1–66. Rezhim dostupa: www.tverlingua.ru (In Russian)

Romanov, A.A., Czarkov P.B., Romanova L.A. (2017) *Diskursivnyj portret dumskogo liberala: Opyt istoriko-lingvopolitologicheskogo opisaniya materialov publicistiki i stenograficheskikh otchetov zasedanij Gosudarstvennoj Dumy Rossii*, Tver, Institute of Applied Linguistics and Mass Communications of Tver State Agricultural Academy, 201 p. (In Russian)

Romanov, A.A., Cherepanova, I.Ju. (1998) *Jazykovaja suggestija v predvybornoj kommunikacii*, Tver, Tver State University; Tver State Agricultural Academy, 205 p. (In Russian)

Romanova, L.A. (2005) Princip kontrarnosti v kognitivnyh praktikah strukturirovaniya mira veshhej // *Vestnik Kostromskogo gos. un-ta im. N.A. nekrasova. Ser. «Akmeologija obrazovanija»*, T.11, № 2, pp. 36–43. (In Russian)

Romanova, L.A. (2009) *Strukturno-semanticheskie aspekty kompozitnyh performativov v funkcional'noj paradigme jazyka*, M., Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, 180 p. (In Russian)

Romanova, L.A. (2021) Kommunikativnyj konstrukt kak edinica semanticheskogo kompleksa kompozitnyh performativov // *Diskurs v sociokul'turnom prostranstve: Kommunikativnye mehanizmy i mental'nye struktury ego reprezentacii. Collection of scientific papers*, M., Flinta, pp. 298–309. (In Russian)

Solovjev, A.V. (2010) Informacionnaja vojna: ponjatie, sodержanie, perspektiva // *Prostranstvo i vremja*, № 2, pp. 75–81. (In Russian)

Toffler, E. (2010) *Tretja volna*. Per. s angl., M., Ast; Ast-Moskva, 795 p. (In Russian)

Toffler, E, Toffler ,H. (2005) *Vojna i antivojna: Chto takoe vojna i kak s nej borot'sja. Kak vyzhit' na rassvete XXI veka*, M., AST; Tranzit kniga, 412 p. (In Russian)

Van Dejk, T.A. (2013) Diskurs i vlast: *Reprezentacija dominirovanija v jazyke i komunikacii*, M., «Liberkom», 344 p. (In Russian)

Vodak, R. (1997) *Jazyk. Diskurs. Politika*. Sostaviteli. V.I. Karasik i N.N. Troshina, Volgograd, Peremena, 139 p. (In Russian)

Volkogonov, D.A. (2003) *Psihologicheskaja vojna: podryvnye dejstvija imperializma v oblasti obshhestvennogo soznanija*, M., Voenizdat, 288 p. (In Russian)

Wodak, R. (1996) “Others in discourse”: racism and anti-Semitism in present-day Austria // *Research on democracy and society*, vol. 3, pp. 275–296.

Zarate, J.C. (2013-2014) The Coming Financial Wars // *Parameters*, vol. 43 (№ 4), pp. 87–97.

Zarate, J.C. (2016) The new geo-economic game // *Leonard M. (ed.) Connectivity wars. Why migration, finance and trade are the geo-economic battlegrounds of the future*, London, European Council on Foreign Relations, pp. 31–35.